

Информация для цитирования:

Ильин П. В. П. Я. Ренненкамф : незамеченный декабрист-заговорщик / П. В. Ильин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 409—436. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-409-436.

Ilyin, P. V. (2024). Pavel Rennenkampf: Unnoticed Decembrist Conspirator. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 409-436. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-409-436. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**П. Я. Ренненкамф:
незамеченный
декабрист-заговорщик**

Ильин Павел Владимирович
orcid.org/0000-0001-6058-2186
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
pavilyn1970@gmail.com

Санкт-Петербургский
институт истории
Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Россия)

**Pavel Rennenkampf:
Unnoticed Decembrist
Conspirator**

Pavel V. Ilyin
orcid.org/0000-0001-6058-2186
PhD in History,
senior research scientist
pavilyn1970@gmail.com

St. Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье освещается вопрос о неправильно идентифицированном историками участнике южного заговора декабристов, полковнике гвардейского Генерального штаба Павле Яковлевиче Ренненкампе (1790—1857), оправданном по результатам следственного процесса. Цель автора — выявить документальные основания, которые позволяют говорить о П. Я. Ренненкампе как декабристе. Собрав и сопоставив указания имеющегося комплекса источников (следственных показаний, полицейских донесений, служебной переписки, мемуаров), автор приходит к выводу о том, что этот офицер был участником декабристской конспирации, посвященным в тайну военного заговора и его политические цели, играл значительную роль в планах С. И. Муравьева-Апостола по организации восстания Черниговского полка. Новизна исследования состоит в том, что в нем затрагивается неизученная фигура в истории декабризма, которая не становилась предметом специального внимания в историографии. Актуальность работы определяется вкладом в изучение важнейших событий в истории декабристского движения — южного заговора и восстания. В статье обсуждается вопрос о том, почему выявленные следствием данные, раскрывающие вовлеченность П. Я. Ренненкампа в тайное общество, не были приняты во внимание в ходе процесса и остались практически не замеченными историками. Автор дает объяснение, почему в историографии вместо П. Я. Ренненкампа долгое время ошибочно фигурировал его родственник К. П. Ренненкамф.

Ключевые слова:

декабристы; тайные общества; неизвестные участники; восстание Черниговского полка; Ренненкамф.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the misidentification of Colonel Pavel Rennenkampf, a member of the Southern Decembrist conspiracy and a colonel in the General Staff (1790-1857), by historians. Through the examination of investigative materials, police reports, official correspondence, and memoirs, the author aims to establish the documentary evidence supporting Pavel Rennenkampf's involvement in the Decembrist movement. It is concluded that this officer played a significant role in S. I. Muravyov-Apostol's plans for organizing the uprising of the Chernigov Regiment, dedicated to the secrecy of the military conspiracy and its political goals. The research novelty lies in shedding light on an understudied figure in Decembrist history, previously overlooked by historiography. The relevance of this study lies in its contribution to understanding key events in the Decembrist movement — the Southern conspiracy and uprising. The article discusses why the incriminating evidence indicating P. Ya. Rennenkampf's involvement in clandestine societies was disregarded during historical proceedings and remained largely unnoticed by historians. The author provides an explanation for the long-standing misattribution of K. P. Rennenkampf instead of P. Ya. Rennenkampf in historical accounts.

Key words:

Decembrists; secret societies; unknown participants; Chernigov Regiment uprising; Rennenkampf.

П. Я. Ренненкампф: незамеченный декабрист–заговорщик

© Ильин П. В., 2024

1. Введение = Introduction

В декабристской историографии, как в любой области исторических исследований, имеющей дело с большим количеством персоналий, встречаются ошибки в установлении биографических данных, в том числе неправильная идентификация исторических лиц. К такого рода ошибкам относится случай Павла Яковлевича Ренненкампфа, осложненный крайне запутанным вопросом о степени его причастности к тайному обществу и военному заговору декабристов.

Вопрос о принадлежности П. Я. Ренненкампфа к декабристам наделен особым значением, потому что входит составной частью в проблему участия в декабристском движении тех персоналий, которых традиционно относят либо к предполагаемым членам тайных обществ, либо к вовсе не причастным. Изучение участников движения, которые до сих пор находятся в тени исследований, представляет особую научную проблему, которая актуальна в нескольких отношениях. Во-первых, введение в оборот сведений о вновь установленных декабристах уточняет круг декабристских персоналий, выявляет новые имена деятелей тайных обществ, что само по себе служит развитию существующих представлений. Во-вторых, это обогащает биографические данные об исторических лицах, в том числе государственных и военных деятелях, которые играли заметную роль в истории России. В-третьих, малоизвестные и неизвестные участники движения, как правило, оказываются связанными с многими важнейшими эпизодами событий 1825—1826 годов, недостаточно освещенными фактами и обстоятельствами.

Новизна исследования определяется тем, что в нем освещается практически не затронутая научным изучением фигура в истории декабризма, доказывається иная степень участия полковника Ренненкампфа в декабристском заговоре по сравнению с той, что устоялась в литературе. Настоящая статья продолжает цикл наших трудов, затрагивающих проблему неизученных участников декабристского движения, которых принято оце-

нивать как лиц, причастных к нему, но не состоявших в тайных обществах [Ильин, 2004; Ильин, 2009; Ильин, 2013]. В ней существенно дополнены и уточнены сделанные ранее выводы об участии Ренненкампа в декабристском движении.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основная цель статьи — установление подлинной степени участия П. Я. Ренненкампа в тайном обществе и южном заговоре декабристов. Кроме того, автор ставил задачей выяснение причин оправдательного решения по делу Ренненкампа, принятого по итогам следствия. Еще одной задачей явилось установление оснований, в силу которых факт участия Ренненкампа в декабристском заговоре не закрепился в историографии, а его личность была неправильно идентифицирована.

В статье, главным исследовательским методом которой является критика документов следствия, в центре внимания находятся следственные материалы (вопросные пункты, показания, записи допросов). Поскольку персональное дело на Ренненкампа не заводилось, привлекался итоговый документ следствия — справочный свод лиц, привлеченных к процессу, излагающий основные выявленные обстоятельства. Эти источники критически анализируются и сопоставляются между собой, при этом выявляются имеющиеся в них противоречия и умолчания. Важной методологической задачей стало выяснение тех вопросов, которые следствие не стало расследовать, реконструкция причин его незавершенности. Это позволяет понять, насколько следствие было объективно, а его выводы — обоснованными. Помимо следственных материалов, привлечены донесения полицейских агентов и служебная переписка, имеющая отношение к расследованию заговора в 1-й армии. Привлечены личная переписка и ретроспективные источники (мемуары), дополняющие картину важными деталями и характеристиками, которых не могут содержать в себе документы официального следствия.

В центре внимания автора находится вопрос, почти не затронутый исследователями. Во многих трудах, посвященных выступлению Черниговского полка, имя Ренненкампа не упоминается [Базилевич, 1926; Довнар-Запольский, 1917; Нечкина, 1925; Нечкина, 1927; Оксман, 1929; Порох, 1954; Федоров, 1992; Эйдельман, 1980]. Но если он и фигурировал в литературе, то как лицо, предположительно причастное к декабристам, подозревавшееся в принадлежности к заговору, но в нем не состоявшее, поскольку историки опирались на формальный вердикт следствия о «невиновности» полковника; упоминания о причастности Ренненкампа к декабристскому союзу не стали предметом изучения [Лысенко и др., 2016].

Авторы других работ исходили из того, что Ренненкампфу удалось скрыть более серьезную причастность к заговору декабристов на юге, нежели та, что отразилась в материалах следствия [Добровольский, 1926; Нечкина, 1955]. О. И. Киянской принадлежит заслуга установления корректных биографических данных Ренненкампфа, а также первый опыт реконструкции его отношений с руководителями заговора на юге [Киянская, 1997, с. 90—97]. Исследовательница полагает, что участие Ренненкампфа в декабристском движении было более основательным по сравнению с тем, каким оно видится историкам, писавшим о восстании черниговцев. В наших работах вопрос о Ренненкампфе как участнике общества декабристов получил новое освещение на основе углубленного анализа и сопоставления документальных свидетельств [Ильин, 2004, с. 243—250].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Следственные показания: противоречия в свидетельствах

Полковник гвардейского Генерального штаба, обер-квартирмейстер входившего в состав 1-й армии 4-го пехотного корпуса, соединения которого располагались по соседству с 3-м пехотным корпусом (к которому относился Черниговский полк), П. Я. Ренненкампф был назван как лицо, участвующее в заговоре и причастное к выступлению черниговцев, в ходе следствия при главной квартире 1-й армии. Имя офицера фигурировало в показаниях участника выступления Черниговского полка, разжалованного из штабс-капитанов рядового Д. М. Грохольского от 8 и 9 апреля 1826 года [ВД, 1929, с. 308—311; ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 245, л. 27].

Однако о связях лидера южного восстания декабристов С. И. Муравьева-Апостола с Ренненкампфом стало известно значительно раньше — из донесения капитана В. С. Сотникова, старшего адъютанта главного штаба 1-й армии, агента военной полиции, специально посланного руководством армии для выяснения обстоятельств заговора в частях 3-го пехотного корпуса. Донесение было отправлено Сотниковым из Киева еще до подавления восстания и датировано 2 января 1826 года. В нем говорилось: «Подполковник Муравьев за несколько дней до возмущения был в Киеве и старался внушить свои правила ... полковнику Ренненкампфу, но оный отклонил его предложение. Также внушал подобное квартирмейстерским офицерам, при штабе 4 пехотного корпуса находящимся, но и сии поступили подобно Ренненкампфу. После сего Муравьев, сказав, что он будет опять чрез пять дней в Киеве, уехал. О всем сем рассказывал мне сам Ренненкампф» [ВД, 1929, с. 17].

Из донесения В. С. Сотникова не ясно, с каким «предложением» обращался С. И. Муравьев-Апостол к корпусному обер-квартирмейстеру за

несколько дней до восстания, однако весь контекст свидетельства говорит о том, что речь шла о содействии готовящемуся военному выступлению. Любопытно, что сведения поступили от самого Ренненкампа, который обращал внимание правительственного агента на свой отказ от содействия Муравьеву-Апостолу. Очевидно, полковник хотел подстраховать себя на случай появления уличающих его данных в ходе неминуемого в будущем расследования. Закономерные подозрения, возникающие при ответе на вопрос, почему Муравьев-Апостол обращался за содействием именно к нему, Ренненкампа, как можно полагать, надеялся лишить обвинительного значения сообщением о своем решительном отказе от предложений лидера мятежного полка — отказе, который подразумевал несогласие с намерениями заговорщиков. Вместе с тем, раскрывая этот эпизод, Ренненкампа рисковал попасть под ответственность за «недонесение» о замыслах мятежа, которые, как следовало из этого признания, стали ему известны еще до начала восстания.¹

На основании полученных от В. С. Сотникова данных, а также, по всей видимости, неизвестных нам сведений², Ренненкампа был привлечен к допросам, которые снимались при штабе 1-й армии (г. Могилев; точная дата допроса неизвестна); началось расследование его связей с тайным обществом. Конкретных данных, находился он под арестом или допрашивался неарестованным, нет, но следует полагать, опираясь на подобные случаи, что был избран второй вариант³.

На допросе Ренненкампа повторил свои слова, сказанные ранее Сотникову, показав, что Муравьев-Апостол «пред самым возмущением» Черниговского полка «предлагал... действовать для перемены правления», но получил в ответ решительный отказ. Как утверждал Ренненкампа, Муравьев-Апостол на встрече с ним говорил: «Наступило время, где надо действовать решительно, переменить образ правления, которое дальше терпеть невозможно». Однако на это Ренненкампа, по его уверению, категорически возразил: «...не наше дело преобразовывать правительство», и

- 1 «Недонесение» по делам о «государственных преступлениях» грозило как административным, так и судебным наказанием. В качестве примера сошлемся на осужденного по делу декабристов М. И. Пущина, вина которого заключалась в том, что он «знал о приговорении к мятежу, но не донес» [ВД, 1980, с. 234].
- 2 Мы не знаем в точности, получены ли были в январе 1826 года показания от участников выступления Черниговского полка, касающиеся Ренненкампа, поскольку полный комплекс материалов следствия при главном штабе 1-й армии не опубликован.
- 3 См. случаи привлечения к допросам неарестованными Александра З. Муравьева и М. М. Гротенгельма [ВД, 1927, с. 234—237, 237—238]. Командиром 4-го пехотного корпуса А. Г. Щербатовым в Киеве был допрошен без ареста поручик А. Н. Крупеников, о чем сообщалось в рапорте А. Г. Щербатова главнокомандующему 1-й армией Ф. В. Остен-Сакену от 2 января 1826 года [ВД, 1929, с. 18—19].

просил «его и подчиненных ему офицеров оставить в покое» [Алфавит ..., 1988, с. 309]. Формулировки и выражения, открывающие значительную степень осведомленности полковника в целях и намерениях заговорщиков, принадлежали, таким образом, самому Ренненкампу.

Согласно же упомянутым показаниям Д. М. Грохольского, 25 декабря 1825 года, после получения известия о разгроме выступления на Сенатской площади в Петербурге, Муравьев-Апостол отправил М. П. Бестужеву-Рюмину письмо, в котором просил его «как можно поспешнее» приехать в Киев для встречи с полковником Ренненкампом [ВД, 1929, с. 308]. Это письмо не дошло до адресата: на квартире Муравьева-Апостола в расположении Черниговского полка, ввиду отсутствия Бестужева-Рюмина, его вскрыли офицеры-заговорщики. В присутствии автора показания Грохольского и будущих участников выступления черниговцев (В. Н. Соловьев, И. И. Сухинов, А. Д. Кузьмин, В. Н. Петин, А. С. Войнилович, Ф. М. Башмаков) еще один офицер, участник заговора М. А. Щепилло зачитал содержание письма. Кроме просьбы отправиться в Киев, в нем сообщалось о выступлении в Петербурге, упоминались имена С. П. Трубецкого и А. И. Якубовича, говорилось, очевидно, об «открытии» тайного общества правительством. По словам Грохольского, цель поездки к Ренненкампу в письме не раскрывалась [ВД, 1929, с. 308, 311; Азадовский, 1992, с. 103]. Эта цель могла состоять в привлечении офицеров штаба 4-го пехотного корпуса к реализации задуманного на случай начала арестов плана действий заговорщиков.

В связи с показаниями Грохольского и самого Ренненкампа в Петербурге был допрошен Муравьев-Апостол. Он утверждал, что не делал никакого предложения полковнику, а содержание разговора с ним представлено в предъявленных показаниях «ошибочно», письмо же к Бестужеву-Рюмину было написано с целью уведомления о поражении восстания в Петербурге. Запрошенный следствием Бестужев-Рюмин, со своей стороны, также отверг наличие в этом письме просьбы отправиться к Ренненкампу, но вместе с тем показал, что неоднократно виделся с полковником, разговаривал с ним «о разных злоупотреблениях» в государственном управлении и считал его готовым к поступлению в члены тайного общества. Как утверждал Бестужев-Рюмин, он еще ранее сообщил Муравьеву-Апостолу, что Ренненкампу «кажется, можно открыться, и чтобы он рассмотрел его, но почему ему казалось сие возможным, сам не знает». По словам декабриста, Муравьев-Апостол после этого «адресовался» к Ренненкампу (вероятно, отдельным письмом), «но без успеха» [Алфавит ..., 1988, с. 309; ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 245, л. 54—55, 72 — (показания Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина)].

Из показаний важнейших свидетелей со всей очевидностью вытекало, что связи Ренненкампа с руководителями декабристского союза (не только с Муравьевым-Апостолом, но и с Бестужевым-Рюминым) носили хронологически протяженный характер: встреча была не одна. Выявленные факты свидетельствовали о том, что Ренненкампа считался готовым кандидатом в члены тайного общества, а незадолго до выступления черниговцев ему было направлено письмо, вероятно, с предложением оказать содействие заговорщикам.

Очевидные противоречия между показаниями, с одной стороны, Ренненкампа и Грохольского, с другой — Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина, а также новые важные обстоятельства, отраженные в показаниях последнего, судя по всему, не повлекли за собой дальнейших шагов со стороны следствия, которое предпочло считать показания Грохольского и Бестужева-Рюмина неподтвержденными, сделав, очевидно, вывод о полной искренности Ренненкампа в его оправданиях и доверившись показаниям основных свидетелей, которые снимали с полковника подозрения в действительном участии в заговоре и прямом содействии «бунту» [Алфавит ..., 1988, с. 308—309].

3.2. Официальное оправдание, недостатки в проведении следствия

По результатам скоротечного расследования полковник Ренненкампа был официально оправдан, освобожден от дальнейших допросов и привлечения к ответственности, как непричастный к тайным обществам и военному заговору [Алфавит ..., 1988, с. 309].

В справке итогового следственного документа — «Алфавита членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу...», составленного делопроизводителем следствия А. Д. Боровковым, тем не менее приводятся извлеченные из показаний Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина факты неоднократных встреч руководителей Васильковской управы Южного общества с Ренненкампом, расчетов на него, касающихся поддержки восстания Черниговского полка, «адресования» к нему Муравьева-Апостола в письме, poslanном Бестужеву-Рюмину. Упомянуто в справке и главное обстоятельство, раскрытое самим Ренненкампом: предложение, сделанное ему Муравьевым-Апостолом, — действовать «для перемены правления». Однако все перечисленные данные, позволявшие со значительной долей уверенности говорить об участии полковника в заговоре в 1-й армии или, по крайней мере, осведомленности о целях и намерениях заговорщиков, остались без последствий.

Обращение к документальным свидетельствам заставляет усомниться в официальном итоге расследования и, по крайней мере, подводит к выводу о том, что следствие не рассмотрело ряд важных обстоятельств дела,

было свернуто и не доведено до конца. В частности, не было в полной мере расследовано содержание разговоров Ренненкампа с лидерами Васильковской управы до выступления Черниговского полка, причины «надежд», которые они возлагали на полковника, содержание письма, посланного ему руководителями заговора, характер «предложений», сделанных ему Муравьевым-Апостолом в канун выступления, причины направления Бестужева-Рюмина к этому офицеру непосредственно перед выступлением.

В результате оказался до конца не проясненным тот объем сведений о тайном обществе, который был открыт Ренненкампу в ходе его встреч с лидерами заговорщиков. В стороне остался ключевой вопрос о том, было ли реализовано предложение Бестужева-Рюмина принять Ренненкампа в члены Южного общества, которое, как свидетельствовал сам декабрист, высказывалось им письменно и адресовалось главе Васильковской управы Муравьеву-Апостолу.

Показательно, что Муравьев-Апостол вовсе уклонился от показаний, касающихся его отношений с Ренненкампом до начала восстания Черниговского полка и предполагаемого приема полковника в тайный союз, а следствие не стало настаивать на выяснении этого вопроса.

3.3. Причины оправдательного вердикта, сопоставление следственных показаний

В чем причины благополучного для Ренненкампа исхода следствия? Прежде всего, бросается в глаза отрицание как самим Ренненкампом, так и Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым факта согласия полковника на содействие мятежу. Эта причина была, по-видимому, основной. Принципиальный отказ от поддержки целей и намерений инициаторов восстания — не только содействовать восстанию, но и «преобразовывать правительство» (то есть несогласие с политической целью тайного общества), на чем усиленно настаивал Ренненкампф в своем показании, до некоторой степени снижал его ответственность за «недонесение» о ставшем ему известным заговоре.

Подразумевалось, что это обстоятельство резко снижает и значение вопроса о том, состоял ли Ренненкампф в тайном обществе. Ведь даже если полковник вошел в ряды заговорщиков, его отказ от содействия в столь важный момент, как начало открытого восстания, снимал с него большую степень «виновности». Именно поэтому Ренненкампф усиленно апеллировал к своим словам в канун выступления черниговцев, начиная с того момента, когда он открыл этот эпизод агенту полиции Сотникову. Но о причинах обращения к нему Муравьева-Апостола и расчетов на него заговорщиков, о характере своих отношений с ними он умалчивал. Такая линия поведения в ходе следствия могла привести к оправданию, если по-

дозреваемый придерживался ее твердо и последовательно, настаивая на своем принципиальном несогласии с планами мятежа.

Полковник Ренненкампф был офицером, искушенным в области различного рода разысканий и расследований. Он имел опыт в сфере военной дипломатии и разведки — участвовал в военно-дипломатических (в т. ч. разведывательных) миссиях в Австрию, итальянские земли, Персию, что видно из его формулярного списка [Киянская, 1997, с. 156]. В обязанности офицеров квартирмейстерской части входили разведка и сбор данных об армии противника и местности, на которой разворачиваются военные действия [Военная энциклопедия ..., 1912, с. 234]. Штабные офицеры имели сформированные понятия о методах и приемах сбора информации, различного рода расследованиях. Исходя из этого, вполне вероятно, что в условиях начавшегося следствия опытный и квалифицированный офицер-штабист Ренненкампф оценил, какие вопросы более всего интересуют следствие, влекут за собой тяжелое обвинение и соответствующее наказание. Этими вопросами были, очевидно, согласие принять участие в военном выступлении или содействовать ему, а также принадлежность к тайному обществу, что подразумевало согласие с его политической целью.

Сознавая это, Ренненкампф сделал всё возможное, чтобы представить свои контакты с лидерами декабристского союза, особенно встречу, связанную с обсуждением подготовки мятежа, в благоприятных для себя тонах. Выгораживая себя, он старался придать центральное значение решительному несогласию со сделанным ему предложением — содействовать готовящемуся мятежу. Всю оправдательную силу своей защиты Ренненкампф вложил в передачу собственной ответной реакции на предложение Муравьева-Апостола: по заверениям полковника, категорически отрицательной. Наконец, в своем показании он настаивал на своем несогласии с политическими целями и планами заговорщиков.

Эта позиция Ренненкампфа, судя по всему, была выдержана им до конца. Успех «самозащиты» во многом зависел от линии поведения основных «свидетелей по делу» Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина. Они не должны были выступить авторами уличающих свидетельств. В целом, их показания не содержали явно обличающих полковника данных о непосредственном участии в заговоре и содержали множество умолчаний, что, как можно полагать, сыграло ключевую роль в вынесении оправдательного решения.

Однако показания лидеров заговора, как мы видели, не во всем совпадали с позицией Ренненкампфа, а некоторые из их утверждений вызывают подозрение в сокрытии уличающих обстоятельств. Так, по сюжету о письме Муравьева-Апостола, направленном Бестужеву-Рюмину 25 декабря 1825 года, оба «свидетеля», как признают исследователи, явно «хотели

выгородить Ренненкампфа», скрывая от следствия обращение к нему за содействием в канун восстания [Азадовский, 1992, с. 103].

Муравьев-Апостол, если он действительно получил от Ренненкампфа решительный отказ во время встречи накануне восстания, мог прямо и недвусмысленно сообщить об этом в своих показаниях, чтобы доказать «невиновность» подозреваемого офицера. Ознакомившись с показаниями Ренненкампфа, он мог согласиться с ними или хотя бы частично подтвердить рассказ полковника, тем самым обеспечив ему снятие всех подозрений. Между тем он не подтвердил версию, представленную Ренненкампом. Напротив, лидер южного восстания отверг сам факт опасного разговора — как можно полагать, по той причине, что эта встреча была доказательством того, что руководители мятежа рассчитывали на содействие штаба 4-го пехотного корпуса, а это, в свою очередь, открывало возможность для выдвижения новых обвинений и арестов новых причастных к делу лиц, служивших в корпусном штабе¹. Таким образом, значительно усиливалась «вина» самого лидера заговорщиков, вовлекшего в тайное общество значительно большее число лиц. Поэтому, возможно, Муравьев-Апостол старался не столько выгородить Ренненкампфа, сколько скрыть усилия заговорщиков по подготовке «военной революции» в широком ареале полков и соединений 1-й армии, включая 4-й пехотный корпус, расчеты на поддержку восстания со стороны офицеров в высоких чинах. Не приходится сомневаться в том, что надежды на содействие Ренненкампфа представляли собой важное звено в цепи договоренностей с офицерами, вошедшими в сферу влияния тайного союза, — цепи, которая формировалась в течение 1824—1825 годов и в значительной мере осталась скрытой от следствия. Эти договоренности шли рука об руку с процессом вовлечения в ряды декабристского союза новых участников из числа офицеров, имевших под своей командой войсковые части или влиявших на их передвижения (штабные офицеры). Не все из них были обнаружены в ходе следствия: вспомним указания из донесения В. С. Сотникова о том, что Муравьев-Апостол встречался в Киеве, кроме Ренненкампфа, с неназванными офицерами корпусного штаба [ВД, 1929, с. 17].

Следствие по делу Ренненкампфа отмечено любопытными особенностями. Прежде всего, это противоположное по своему смыслу освещение переговоров полковника с главным инициатором мятежа в показаниях самого Ренненкампфа и Муравьева-Апостола. Совершенно очевидно, что

1 Следствие выявило немногих заговорщиков в 4-м пехотном корпусе — все они не служили в корпусном штабе: подполковник А. М. Миклашевский, к 1825 году утративший связь с декабристским обществом, юнкер Ф. Я. Скарятин, подполковники А. В. Капнист и И. Н. Хотяинцев [Декабристы ..., 1988, с. 112, 261, 319, 333—334].

одна из сторон пытается скрыть правду. Крайне интересно, что содержание опасного разговора с лидером заговорщиков обнаружилось благодаря самому подозреваемому. Зачем ему было придумывать содержание переговоров с Муравьевым-Апостолом, особенно в условиях, когда полковник только подозревался в содействии заговорщикам? Наиболее вероятным видится следующий ответ: полагая, что следствие может доказать факт его встречи с лидером мятежа и раскрыть содержание состоявшегося разговора, Ренненкампф признал этот факт и был вынужден осветить часть имевших место переговоров. Вместе с тем он попытался представить свою версию содержания этой встречи — ту, которая могла способствовать прощению вины и освобождению от наказания. Поэтому во главу угла была поставлена декларация своего решительного несогласия с политическими целями мятежников.

Бестужев-Рюмин, как и Муравьев-Апостол, в своих противоречивых показаниях утверждал, что перед восстанием лидеры заговорщиков не обращались к Ренненкампфу, но раскрыл другие факты, не упомянутые во всех прочих показаниях: полковника считали готовым принять участие в тайном обществе и к нему «адресовались» письменно с целью привлечения к заговору.

Линия защиты Ренненкампфа не была безупречной. «Смягчающие обстоятельства», которые содержали его показания (возражения на агитацию членов декабристского общества — по собственному утверждению, полагал, что злоупотребления происходили «без ведома императора», отказ от предложения содействовать организаторам восстания), в других случаях подозреваемых лиц не являлись препятствием для вынесения наказания. Но в случае Ренненкампфа выяснение обстоятельств его связей с заговорщиками было остановлено. Как представляется, дело не только в линии поведения, избранной на следствии Ренненкампфом. Снятию с него подозрений содействовали ключевые «свидетели» по его делу, исходя, по всей видимости, из своих целей «самозащиты». Спасло Ренненкампфа и то, что эти обвиняемые не представили следствию важных обвинительных данных, не подтвердили чрезвычайно опасную для подозреваемого информацию о разговоре в канун выступления Черниговского полка, которую содержали показания самого полковника.

Подводя итог сопоставлению следственных показаний, следует заключить, что показания полковника представляются в целом более достоверными и соответствующими логике событий, нежели отрицание «политического разговора» накануне восстания черниговцев со стороны Муравьева-Апостола, который был не заинтересован в том, чтобы следствие установило все звенья «сети поддержки» заговорщиков в полках 1-й армии, тем самым утяжелив его собственную виновность. Неубедитель-

ным выглядит и отрицание «главными свидетелями» поручения Муравьева-Апостола, отданного Бестужеву-Рюмину — отправиться в Киев для связи с Ренненкампом. Показания этих свидетелей опровергаются логикой событий. Если не было контактов между заговорщиками и Ренненкампом до начала восстания, не было никаких договоренностей между ними, касающихся поддержки будущего выступления, а руководители восстания едва знали о взглядах Ренненкампа, то почему они адресовались к нему в канун выступления? Если же, как показал Бестужев-Рюмин, контакты руководителей заговора с полковником имели место длительное время, а последний считался «кандидатом» для вступления в тайный союз или уже вступил в него, то обращение к нему перед началом военного выступления обретает вполне надежное и убедительное основание.

3.4. Факты и обстоятельства, опровергающие оправдательный вердикт

Полученные в ходе расследования показания открыли значительную степень «посвященности» Ренненкампа в деятельность декабристской конспирации, его осведомленность о целях заговорщиков («перемена правления», «преобразование правительства»), обнаружили те надежды, которые питали в отношении полковника инициаторы выступления Черниговского полка. Как видно из показаний, они рассматривали его, по крайней мере, как готового кандидата для вступления в тайный союз, считая, что ему «можно открыться». Таким образом, результат встреч руководителей Васильковской управы с Ренненкампом привел их к убеждению, что на полковника можно положиться в деле будущего военного выступления. Как могли зародиться расчеты такого рода? На чем они основывались?

Подчеркнем, что в условиях фактически незаконченного расследования уличающие данные, тем более — не подтвержденные в ходе допросов, не всегда содержат прямые и безоговорочные указания на членство в тайном обществе. В случае Ренненкампа это именно так. Но и в этих условиях даже сверхосторожные показания лидеров южного восстания, скрывающие от официального расследования многие факты и обстоятельства, содержат данные о том, что они имели намерение принять Ренненкампа в тайный союз. Судя по показаниям Бестужева-Рюмина, это намерение возникло еще до встречи Муравьева-Апостола с Ренненкампом, которая явилась главным предметом обвинения в деле полковника. Такое намерение не могло возникнуть без серьезных оснований: оно стало результатом длительных контактов, выяснения «образа мысли» офицера, его готовности принять участие в политической деятельности.

Однако от ответа на вопрос, был ли совершен прием в тайное общество, авторы показаний уклонились. Тем не менее по косвенным указани-

ям, опираясь на степень осведомленности Ренненкампа о целях и деятельности заговорщиков на юге, исследователь вправе заключить, что он был присоединен к тайному союзу.

Визит Муравьева-Апостола к Ренненкампу состоялся не позднее 24 декабря 1825 года (с этого дня все передвижения инициатора восстания документируются сохранившимися источниками; в них нет данных о посещении Киева, где жил полковник), как уже отмечалось — «за несколько дней» до начала «мятежа». По-видимому, в это время Муравьев-Апостол еще не имел намерения приступить к практической подготовке восстания: в условиях междоусобицы речь шла о собирании сил и сравнительно отдаленной во времени перспективе возмущения. 24 декабря было получено сообщение о первых арестах в Тульчине (П. И. Пестеля), 25 декабря — о поражении восстания в Петербурге; эти сообщения послужили сигналом к практической подготовке выступления [ВД, 1927, с. 295; ВД, 1929, с. 193; Порох, 1954, с. 155—156, 159; Нечкина, 1955, с. 348—352].

Почему лидеры заговора обратились за содействием именно к Ренненкампу и штабным офицерам 4-го пехотного корпуса? Занимаемая полковником должность обер-квартирмейстера соседнего с Черниговским полком корпуса могла быть крайне значимой с точки зрения содействия восстанию. Согласно «Учреждению для управления большой действующей армией» (1812), офицеры-квартирмейстеры в ряду других обязанностей (размещение войск, топографические съемки, составление карт, сбор статистических данных, ведение служебной, в т. ч. секретной, переписки и т. д.) занимались заблаговременной подготовкой военных операций, не исключая тех распоряжений, что производились в тайне, составляли диспозиции и другие распоряжения для войск, наконец, организовывали рекогносцировки и другие маневры. Выполняя в армии функции офицеров Генерального штаба, корпусные квартирмейстеры имели отношение к циркуляции приказов командования, к которому были близки по служебному положению, в силу чего могли воздействовать на решения начальства. Кроме того, они выполняли в значительной мере функции офицеров связи. Квартирмейстеры влияли на расположение и передвижение полков, передавали полковому командованию распоряжения вышестоящего начальства, относившиеся к маршрутам походов и, таким образом, от имени командования могли определять начало маневров полков или их блокирование [Военная энциклопедия ..., 1912, с. 235—236; Глиноецкий, 1883, с. 223—226]. Таким образом, спектр функций квартирмейстеров был широк и значим, секретность ряда направлений их деятельности могла существенно помочь заговорщикам вовлечь в военное выступление полки соседнего корпуса. Поэтому важность фигуры корпусного обер-квартирмейстера для лидеров

восстания трудно переоценить. Ренненкампф, находясь в этой должности, имел возможность влиять на передвижение частей, квартировавших в Киеве, от имени военного начальства определять маршруты походов, а также связывать между собой действия заговорщиков в полках. От него могло непосредственно зависеть то, какие части 4-го пехотного корпуса и когда выступают в поддержку черниговцев.

Следует признать, что разговор с Ренненкампом был для Муравьева-Апостола крайне важным: он имел целью организовать содействие штаба 4-го пехотного корпуса для планируемого, а затем уже готовящегося выступления. Возможно, Муравьев-Апостол через офицеров штаба надеялся оказать влияние на приказы о передвижениях полков, привлечь к участию в возмущении конкретные части, в которых находились заговорщики, или обеспечить со стороны офицеров штаба отсутствие мер по блокированию Черниговского полка и других частей, находившихся под влиянием декабристов, в случае начала открытых действий. Такой разговор не мог не сопровождаться открытием самого факта существования тайного союза и его политической цели, что перекликается с показаниями самого Ренненкампа, согласно которым он отказался действовать в пользу «перемены правления» [Алфавит ..., 1988, с. 309].

Исходя из этого, окончательно обрисовывается цель, с которой лидер восстания обращался к полковнику Ренненкампу (как минимум, трижды — незадолго, в самый канун и, как увидим далее, во время восстания). Так это расценило и официальное следствие, заключив об эпизоде с отправлением Муравьевым-Апостолом в Киев подчиненных ему прапорщика А. Е. Мозалева и четырех солдат: он сделал это, «надеясь там найти какого-нибудь единомышленника и требуя пособия (то есть содействия, поддержки. — *П. И.*)» [Донесение ..., 1980, с. 60].

Содержание разговоров Ренненкампа с Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым, отраженное в показаниях, раскрывает уровень осведомленности полковника о намерениях заговорщиков: ему предлагалось действовать с целью «преобразования правительства». Степень осведомленности говорит о том, что руководители Васильковской управы посвятили полковника в существование тайного общества, его главные политические цели. Согласно полученным показаниям, они считали этого офицера подготовленным к вступлению в тайное общество еще до декабрьского кризиса 1825 года, собирались «рассмотреть» возможность его приема, «открыться» ему¹. Обращение к полковнику за содействием в момент практической подготовки выступления ставится в контекст планомерной деятельности лиде-

1 По мнению М. К. Азадовского, встречи Ренненкампа с Бестужевым-Рюминым следует датировать ноябрем — началом декабря 1825 года [Азадовский, 1992, с. 75].

ров заговора на юге по приему в декабристский союз офицеров в больших чинах и полковых командиров¹. Именно они должны были обеспечить вовлечение в восстание численно значительной вооруженной силы.

Предлагая содействовать готовящемуся восстанию, лидеры заговора должны были не только видеть в Ренненкампе единомышленника, разделяющего политическую цель тайного союза, но и рассчитывать на то, что он будет согласен поддержать предлагаемый ими способ достижения цели — открытое вооруженное выступление. Очевидно, положительное мнение на этот счет Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин могли вынести только из своих предыдущих встреч с полковником.

Все сказанное заставляет отнестись с большим сомнением к ключевому пункту «самозащиты» Ренненкампа на следствии: его решительному отказу не только поддержать военное возмущение, но и вообще действовать с целью «переменить образ правления». Скорее всего, это было не так. Письмо Муравьева-Апостола, адресованное Бестужеву-Рюмину, с просьбой отправиться к Ренненкампу в Киев, написанное 25 декабря, доказывает, что надежды на содействие этого офицера планам заговорщиков сохранялись и после известной встречи, о которой шла речь на следствии.

В этой связи неслучайно, что наиболее опытные и рассудительные лица из военного командования, несмотря на последовавший вскоре оправдательный вердикт по делу Ренненкампа, высказывали в его отношении совсем другое мнение. Так, начальник штаба 1-й армии К. Ф. Толь, который курировал следствие при главной квартире в Могилеве и лично допрашивал Ренненкампа [Алфавит ..., 1988, с. 309], пришел к заключению, сходному с нашими выводами. Сопоставляя показания Ренненкампа и Муравьева-Апостола, он специально обратил внимание на обер-квартирмейстера 4-го пехотного корпуса: «Полагаю я, что подозрение на Ренненкампа... основательно относительно... принадлежности его к тайному обществу, ибо общество сие, наблюдавшее столь большую осторожность в вербовке своих членов, и в коем Муравьев[-Апостол] был одним из главных, конечно, не побудило бы сего последнего делать формальные предложения в столь важном предприятии человеку, к обществу вовсе не принадлежащему» (из копии донесения К. Ф. Толя) [Киянская, 1997, с. 95; РГВИА, ф. 14414, оп. 1, д. 196, ч. 2, л. 191 об.].

Выводы К. Ф. Толя, хорошо знакомого с практикой разведки, сбора и анализа информации, в контексте разобранных выше следственных показаний и анализа контактов Ренненкампа с деятелями тайного общества

1 О приеме офицеров в больших чинах в Васильковскую управу Южного общества см.: [Ильин, 2004, с. 408—409, 421—432; Ильин, 2009, с. 45—49, 59—60; Ильин, 2013, с. 131—133].

представляются логически вытекающими из отрывочных и явно неполных данных, которыми мы располагаем. Очевидно, расчеты заговорщиков на Ренненкампа опирались на полученное ранее согласие полковника быть участником политического движения.

3.5. Ренненкампф во время восстания Черниговского полка: мемуарное свидетельство И. И. Горбачевского

Если расчеты лидеров южного заговора на содействие Ренненкампа имели место в канун выступления черниговцев, то логично полагать, что они должны были проявить себя и после его начала, в тот момент, когда особенно требовалась помощь товарищей по заговору. Действительно, следы такого обращения обнаруживаются в свидетельствах мемуарного источника — записок И. И. Горбачевского. Историки связывают новое обращение инициаторов уже начавшегося восстания с одним из его эпизодов — «командировкой» 31 декабря 1825 года в Киев прапорщика Черниговского полка А. Е. Мозалевского и четырех нижних чинов. У нас нет оснований подвергать это сомнению.

Киевская миссия Мозалевского, насколько можно судить по данным следствия, была неудачной: посланцу черниговцев не удалось встретиться ни с одним из офицеров, к которым он был направлен. По сведениям Горбачевского, Муравьев-Апостол адресовал прапорщика к трем участникам заговора [Горбачевский, 1963, с. 73—74], по данным следствия — к одному; но в показаниях солдата Курского пехотного полка, к которому обращался Мозалевский, есть указание на интерес офицера-черниговца еще к одному лицу в Киеве, живущему на Печерске [ВД, 1929, с. 23].

Рассказ Горбачевского о командировке Мозалевского в Киев живописен и подробен. Однако историки относятся к мемуарам Горбачевского критически, и на это есть основания: в записках обнаруживается множество ошибок, нестыковок и указаний, не находящихся подтверждения в документах, даже элементы художественного вымысла (Оксман, 1929, с. XXXIV—XXXVI, LV—LVI; Порох, 1954, с. 125—127; Нечкина, 1955, с. 391; Киянская, 1997, с. 96]. Наряду с этим записки содержат достоверные, проверяемые уникальные данные, автор опирался на рассказы участников событий — офицеров Черниговского полка, оказавшихся вместе с ним в Сибири, поэтому полностью отвергать свидетельства мемуариста нельзя.

Рассказ Горбачевского о встречах Мозалевского с киевскими заговорщиками (в т. ч. неким «генералом», в котором угадывается Ренненкампф [Нечкина, 1955, с. 370]), по-видимому, является вымыслом. Достоверность его могла быть подкреплена тем, что последовательность встреч Мозалевского, согласно мемуаристу, была такой: сначала он увиделся с жившим на Печерске «генералом» (предполагаемым Ренненкампом), а затем с офи-

цером Курского пехотного полка Крупениковым [Горбачевский, 1963, с. 75—76]. Следствие было занято только встречами с последним, о первой же встрече в ходе дознания умалчивалось, из чего можно было бы заключить вероятность первой встречи. Но показания солдата Курского полка о том, что Мозалевский, находясь в расположении полка, разыскивал лицо, живущее на Печерске, заставляют считать рассказ мемуариста о разговоре офицера-черниговца с «генералом» недостоверным. Однако наличие письма Муравьева-Апостола, адресованного «генералу», само намерение направить на встречу с ним Мозалевского — следствие не опровергло, потому что не затронуло этих обстоятельств. Подвергать же сомнению эти указания мемуариста, кажется, нет никаких серьезных оснований.

Для нас важен сам факт нового обращения лидеров восстания к «генералу» (под которым подразумевается Ренненкампф), что означает: после начала «мятежа» Муравьев-Апостол и его товарищи продолжали надеяться на полковника, считая его единомышленником, готовым оказать содействие, — возможно, своей главной опорой в Киеве. Этот красноречивый факт, несомненно, корректирует «оправдательную тактику» Ренненкампфа во время следствия, о которой шла речь выше.

Содержание письма, направленного предполагаемому Ренненкампфу 31 декабря, неизвестно. Но заслуживают внимания поручения, которыми Муравьев-Апостол снабдил Мозалевского, отдавая письмо к «генералу». Их передает в своих записках Горбачевский, опираясь, очевидно, на рассказ «из первых рук» (Мозалевского), одного из информаторов мемуариста при создании записок. Муравьев-Апостол просил пересказать «генералу» «о всем случившемся в Черниговском полку, узнать от него, что думают другие члены о происшествии 14 декабря и восстании Черниговского полка, и расспросить его о мерах, какие они со своей стороны думают принять; объявить ему о надеждах С. Муравьева на Киев, где находится так много членов русского и польского обществ...». Наконец, согласно мемуаристу, лидер восстания требовал узнать от киевских членов тайного общества «о мерах, принятых правительством против нас... какие именно полки назначены воспрепятствовать нашим успехам, и кто ими будет командовать» [Горбачевский, 1963, с. 73—74].

Как видим, обращение к Ренненкампфу в условиях начавшегося выступления включало в себя не только информирование о развернувшихся событиях: речь шла о практической поддержке вооруженной силой. Руководитель восстания вновь просил о содействии, сообщая, что надеется на поддержку офицеров в Киеве. В этом обращении к «генералу» последний выступает как средоточие конспиративных контактов: он связан с многочисленными участниками заговора в Киеве, причем как русского,

так и польского тайных обществ. По мнению главы заговора, «генерал» должен был обладать сведениями о настроениях членов тайных союзов и принятых ими решениях. Здесь угадывается роль офицера-квартирмейстера, который мог иметь связи с большим числом офицеров, свободно перемещаться из одной части в другую. Лидер выступления пытался выяснить, какие меры были приняты начальством, какие части «назначены» для блокирования черниговцев, чтобы, вероятно, оценить, могут ли эти части примкнуть к мятежному полку. Эти, безусловно, секретные данные, как мы видели, находились в компетенции обер-квартирмейстера.

Таким образом, содержание обращения Муравьева-Апостола к «генералу» подтверждает вывод о том, что этим офицером, скорее всего, был Ренненкампф, а надежды лидера мятежных черниговцев на поддержку и участие в восстании полковника сохранялись в полной мере.

3.6. Реконструкция участия Ренненкампфа в тайном обществе декабристов

Впервые в историографии реконструкция отношений, связывавших Ренненкампфа с лидерами восстания Черниговского полка, была предложена О. И. Киянской [Киянская, 1997, с. 89—96]. Она отмечала: «Полковник Ренненкампф... личность довольно странная, полумифическая. Он не привлекался к следствию [в Петербурге], и единственным общедоступным источником сведений о нем, кроме показаний Грохольского, является... “Алфавит...”, составленный А. Д. Боровковым» [Киянская, 1997, с. 90]. Исследователь пришел к выводу: Ренненкампф состоял в тайном обществе и «обещал восставшим поддержку» [Киянская, 2008, с. 191]. Однако О. И. Киянская связывает участие Ренненкампфа в заговоре с командующим 4-м пехотным корпусом А. Г. Щербатовым, полагая, что полковник выступал «соединительным звеном» между декабристами и генералом. Документальных свидетельств, подтверждающих эту схему, не приводится — очевидно, эта интерпретация основана на представлениях автора о взглядах командующего корпусом [Киянская, 1997, с. 96—97; Киянская, 2005, с. 286; Киянская, 2008, с. 191—192]. У нас нет оснований возлагать на Ренненкампфа такую роль, поскольку нет свидетельств, позволяющих обнаружить связь Щербатова с тайным обществом.

Нами проведена альтернативная реконструкция участия Ренненкампфа в декабристском союзе и заговоре в полках 1-й армии [Ильин, 2004, с. 243—250]. Чтобы понять характер отношений, связывавших полковника с заговорщиками, следует обратиться к обстоятельствам его биографии. Отметим, что с 1815 года он служил в гвардейском Генеральном штабе — средоточии прогрессивно настроенных офицеров декабристского круга; причем, по словам летописца Генерального штаба, «тогда считался в ряду

лучших... офицеров», наиболее способных и образованных [Глиноецкий, 1894, с. 44]. Его сослуживцами в то время являлись учредители первых тайных обществ (А. Н., М. Н., Н. М. Муравьевы, И. Г. Бурцов и др.). Переписка этих лиц с Н. Н. Муравьевым (Карским) обнаруживает, что Ренненкампф входил в дружеское окружение участников «Священной артели» в Петербурге — сообщества офицеров, в котором созрела идея учреждения тайного союза с политической целью. Достоверно известно, что в 1810-е годы Ренненкампф был знаком с М. И. Муравьевым-Апостолом, старшим братом лидера южного восстания, находился с ним в переписке [Из эпистолярного... 1975, с. 86, 105—106; Киянская, 1997, с. 186 (формулярный список Ренненкампфа)]. По-видимому, именно тогда возникли контакты Ренненкампфа с другими деятелями декабристских союзов, в частности, близким приятелем перечисленных лиц С. П. Трубецким, который с мая 1819 года занимал должность старшего адъютанта Главного штаба, начальник которого возглавлял и Генеральный штаб¹. Не исключено, что поступление Ренненкампфа в число членов Союза спасения оборвало его служебное перемещение на Кавказ. Ренненкампф вошел в состав русской дипломатической миссии в Персию 1816—1817 годов, вместе с участниками декабристских союзов Н. П. Воейковым и Е. Е. Лачиновым; всем троим было поручено составление топографического описания местности, ведение «журнала» миссии. В 1817—1821 годах Ренненкампф служил при командующем Кавказским корпусом и главноуправляющем гражданской частью в Грузии, Кавказской и Астраханской губерниях А. П. Ермолове, где его окружали члены Союза благоденствия и будущие участники тайных обществ Н. Н. Муравьев (Карский), Е. Е. Лачинов, А. И. Якубович и др. [Киянская, 1997, с. 156 — формулярный список; Из эпистолярного... 1975, с. 86, 105, 106, 128, 293; Лачинов, 1985, с. 44]. Здесь же, на Кавказе, Ренненкампф сдружился со служившим при Ермолове А. С. Грибоедовым, завязались дружеские отношения с испанским эмигрантом-«конституционалистом» Х. Ван Галеном, поступившим на русскую службу [Нечкина, 1977, с. 233, 242, 668, 671]. Как видим, на протяжении многих лет Ренненкампф находился в дружеских отношениях с деятелями декабристских обществ, он входил в число лиц, составлявших дружеское окружение декабристов, разделявшее в значительной степени их взгляды. Многолетние связи Ренненкампфа с декабристским кругом, его отношения с испанским сторонником конституционного правления указывают на то,

1 Трубецкой, заняв в мае 1819 года указанную должность, отправился в заграничный отпуск; вернувшись в сентябре 1821 года, оставался на этой должности до назначения дежурным штаб-офицером 4-го пехотного корпуса в Киев в декабре 1824 года [Декабристы ..., 1988, с. 178].

что соответствующие политические идеалы не были чужды его мировоззрению, не отталкивали его, а скорее привлекали.

С конца 1824 года Трубецкой являлся дежурным офицером штаба 4-го пехотного корпуса (место расположения — Киев). Не приходится сомневаться в том, что Ренненкампф, занявший 13 февраля 1825 года должность обер-квартирмейстера этого же корпуса [Киянская, 1997, с. 150 — формулярный список], возобновил с ним постоянное дружеское общение. Их тесным контактам, несомненно, способствовало то, что по служебному положению они занимали равные и смежные должности: один заведовал квартирмейстерской частью корпуса, другой — «дежурной» частью [Глиноецкий, 1883, с. 226]. Неудивительно, что С. И. Муравьев-Апостол показал на следствии, что познакомился с Ренненкампом именно в квартире Трубецкого в Киеве [Киянская, 1997, с. 92; РГВИА, ф. 14414, оп. 1, д. 196, ч. 2, л. 262]. После отъезда последнего в Петербург в начале ноября 1825 года [ВД, 1925, с. 10] Ренненкампф приглашал Муравьева-Апостола к себе, если тот окажется в Киеве. Так и произошло: он виделся с Ренненкампом в начале декабря [Киянская, 1997, с. 92, 94]¹. Тогда же происходили встречи с Бестужевым-Рюминым. Очевидно, к этому времени следует отнести сближение руководителей Васильковской управы и, в будущем, южного восстания с Ренненкампом. Это сближение сопровождалось откровенными политическими разговорами и привело к предложению участвовать в заговоре с целью «перемены правления». Из показаний Бестужева-Рюмина явствует, что его встречи с Ренненкампом проходили на протяжении длительного времени, причем один из лидеров Васильковской управы находил возможным прием полковника в члены тайного союза.

Но имеющиеся показания не отвечают на вопрос: состоялся ли прием «готового кандидата» в декабристское общество? Имеются лишь косвенные данные, подкрепляющие вывод о состоявшемся приеме. Причины такой ситуации кроются прежде всего в свертывании следственных разысканий. О. И. Киянская справедливо полагает, что «реальные отношения Муравьева [Апостола] с полковником Ренненкампом остались неясными как для следствия, так и для историков» [Киянская, 1997, с. 90].

Какие же данные обосновывают мнение о вступлении Ренненкампа в Южное общество? Несомненно, лидеры Васильковской управы имели

1 О. И. Киянская полагает, что встреча Муравьева-Апостола с Ренненкампом в декабре 1825 года была одна, и они по-разному свидетельствовали о ней на следствии [Киянская, 1997, с. 93—94]. Историк ассоциирует встречу «за несколько дней» до начала восстания черниговцев с той, что описана в показаниях Муравьева-Апостола, хотя прямых оснований для отождествления нет. Нам представляется очевидным, что встреч было несколько, в показаниях указанных лиц речь шла о разных встречах, в силу чего эти показания имеют разное содержание.

с Ренненкампом не одну встречу; уже первая из них могла сопровождаться открытием существования декабристского союза и предложением вступить в него. Содержание переговоров на встрече с Муравьевым-Апостолом в канун восстания Черниговского полка указывает на посвященность полковника в политические цели и конкретные планы военного выступления, что подразумевает ту или иную степень принадлежности к тайному обществу. Вероятно, оценка Бестужева-Рюмина полковника Ренненкампа как «кандидата», которого нужно «рассмотреть» для приема в тайный союз, послужила руководством к действию для Муравьева-Апостола, который сначала письменно «адресовался» к полковнику, а затем лично встречался с ним. В связи с этим правомерно полагать, что в ходе первых встреч с Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым Ренненкампф был ознакомлен с существованием тайного общества, его планами и дал согласие на содействие. Именно это создавало почву для последующих расчетов лидеров заговора на содействие полковника. Если со стороны Ренненкампа не было никакого согласия на содействие намерениям заговорщиков, то такие расчеты вообще не могли бы существовать.

Последняя встреча Ренненкампа с Муравьевым-Апостолом, предложившим полковнику действовать для «перемены правления», письмо Бестужеву-Рюмину с наказом отправиться в Киев для встречи с полковником, а затем письмо, возможно, посланное во время восстания, — всё это говорит о том, что Ренненкампф продолжал рассматриваться как единомышленник, готовый к содействию. Надежды на его поддержку сохранялись, несмотря на то несогласие с намерениями заговорщиков, о котором полковник заявлял в показаниях. Судя по всему, на него продолжали рассчитывать и в условиях начавшегося восстания. Представляется, что это стало следствием предварительного согласия полковника содействовать «возмущению» в частях 1-й армии.

Отраженная в показаниях, очевидно, далеко не в полной степени последовательность событий — ранние встречи Ренненкампа с Трубецким и руководителями Васильковской управы, оформившееся среди лидеров управы мнение о полковнике как готовом кандидате для поступления в ряды заговорщиков, предложение «открыться» ему, сделанное Бестужевым-Рюминым после встреч с Ренненкампом, «адресация», а затем личная встреча Муравьева-Апостола с полковником в канун восстания, последовавшее после этой встречи письмо Муравьева-Апостола к Бестужеву-Рюмину с предложением ехать в Киев в момент практической подготовки мятежа, свидетельством чему являются показания Грохольского, и, наконец, обращение к полковнику в ходе начавшегося восстания, — всё это показывает, что Ренненкампф был извещен о существовании тайного

общества и его планах, что означало если не состоявшийся прием в декабристский союз, то начало этой процедуры.

3.7. Ложная идентификация: два полковника Ренненкамппа

Случай Павла Яковлевича Ренненкамппа осложнен еще и тем, что в литературе о декабристах долгое время имела место неверная идентификация этого лица. Вместо П. Я. Ренненкамппа в статьях, комментариях, справочных указателях фигурировал его родственник Карл Павлович Ренненкампп (1788—1848), тоже имевший чин полковника, служивший в квартирмейстерской части и занимавший аналогичную должность корпусного квартирмейстера, но в штабе 2-го пехотного корпуса той же 1-й армии [Глиноецкий, 1894, с. 102; Декабристы ..., 1988, с. 155].

Впервые неверные сведения о полковнике Ренненкамппе, судя по всему, были помещены в именном указателе к публикации «Алфавита...» А. Д. Боровкова — фундаментальной работе, принадлежащей Б. Л. Модзалевскому и А. А. Сиверсу, допустившим в этом случае досадную ошибку [Модзалевский и др., 1925, с. 386]. Там же ошибочно утверждается, что Ренненкампп был обер-квартирмейстером 2-й армии. В дальнейшем указатель стал базовым фондом биографических сведений о декабристах, к которому постоянно обращались исследователи, что повлекло за собой воспроизведение ошибочной информации в трудах историков. Неверная идентификация сохранилась и в биографическом справочнике «Декабристы» [Декабристы ..., 1988, с. 155]. Заслуга восстановления подлинных биографических данных полковника Ренненкамппа, причастного к декабристскому заговору, принадлежит О. И. Киянской [Киянская, 1997, с. 90—91].

Причина возникшей путаницы состояла, как видится, не только в принадлежности обоих родственников к офицерам-квартирмейстерам и общим для них чине полковника, но также в недостаточном внимании к обстоятельствам биографии, в частности — месту службы в 1825 году. К. П. Ренненкампп, ошибочно указанный Б. Л. Модзалевским и А. А. Сиверсом как лицо, причастное к южному заговору декабристов, служил, по их данным, обер-квартирмейстером во 2-й армии, а значит, никак не мог быть полезен заговорщикам — офицерам 3-го пехотного корпуса, входившего в состав 1-й армии. Подлинное место службы К. П. Ренненкамппа (2-й пехотный корпус 1-й армии) также находилось в значительном удалении от Киева. П. Я. Ренненкампп, служивший по своей должности в Киеве, естественным образом оказывался в сфере интересов руководителей Васильковской управы.

Недостаточное внимание к месту службы полковника Ренненкамппа повлекло за собой ошибочный выбор историками К. П. Ренненкамппа в качестве лица, причастного к южному заговору декабристов и подготовке военного выступления в Киеве и его окрестностях.

4. Заключение = Conclusions

Отсутствие четких и недвусмысленных данных об участии П. Я. Ренненкампа в тайном обществе декабристов обусловлено неучетом важнейших показаний в период следствия и сознательным сокрытием определенной части конспиративных связей главными «свидетелями» Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым. Это сопровождалось игнорированием в ходе официального дознания уличающих данных, незавершенностью следственных разысканий. Свою роль в том, что имя Ренненкампа как декабриста оказалось незамеченным, сыграла неверная идентификация причастного к деятельности южных заговорщиков полковника, утвердившаяся в литературе. Освобождение Ренненкампа от наказания и признание его «невиновным» привели к тому, что содержание показаний ведущих фигур южного заговора, противоречия между этими показаниями и ответами Ренненкампа не стали предметом расследования, а впоследствии прошли мимо внимания историков.

Оправдательный вердикт следствия послужил основанием для «выведения» Ренненкампа из числа не только членов тайного общества, но и лиц, участвовавших в заговоре декабристов на юге¹. Однако привлеченные в настоящей статье свидетельства источников говорят о противоположном. При критическом анализе и сопоставлении показаний открываются обстоятельства, говорящие о несомненном участии Ренненкампа в тайном обществе.

Критический подход к изучению материалов следствия и других источников позволяет реконструировать следующую картину. Ренненкампф на протяжении многих лет был знаком с участниками декабристских союзов, входя в число прогрессивно мыслящих офицеров Генерального штаба. Оказавшись в штабе 4-го пехотного корпуса в Киеве, он вошел в непосредственный контакт с лидерами Васильковской управы Южного общества, планировавшими военное выступление. Незадолго до восстания Черниговского полка на нескольких встречах с Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым Ренненкампф узнал о существовании тайного союза, его политических целях, был сочтен готовым к участию в заговоре и согласился войти в него. Как можно полагать, сначала он дал согласие содействовать планируемому восстанию (возможно, в отдаленном будущем). В дальнейшем, в ходе драматически ускорившегося развития событий, когда возник вопрос о безотлагательной поддержке выступления, расчеты руководителей Васильковской управы на Ренненкампа не оправдались.

1 См. итоговый вывод о Ренненкампе, отраженный в биографическом справочнике «Декабристы»: «Следствием установлено, что членом тайных обществ декабристов не был» [Декабристы ..., 1988, с. 155].

Хотя первоначально он обещал свое участие, но затем, как и ряд других заговорщиков, реального содействия инициаторам выступления Черниговского полка не оказал.

Несмотря на оправдательный вердикт, вынесенный в результате скоротечного и неполного официального дознания, у исследователя есть все основания отнести П. Я. Ренненкампа к участникам заговора декабристов в 1-й армии, вовлеченным в ряды декабристской организации в ноябре — декабре 1825 года, на содействие которых рассчитывали руководители южного восстания.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу...» [А. Д. Боровкова] // Декабристы. Биографический справочник. — Москва : Наука, 1988. — С. 215—345.
2. ВД — *Восстание декабристов. Материалы.* — Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1925. — Т. I. — 540 с.
3. ВД — *Восстание декабристов. Материалы.* — Москва; Ленинград : Гос. изд-во, 1927. — Т. IV. — 488 с.
4. ВД — *Восстание декабристов. Материалы.* — Москва : Гос. изд-во, 1929. — Т. VI. — 462 с.
5. ВД — *Восстание декабристов. Документы.* — Москва : Наука, 1980. — Т. XVII. — 296 с.
6. *Военная энциклопедия. Воинская честь — гимнастика.* — Санкт-Петербург : тип. И. Д. Сытина, 1912. — Т. 7. — 385 с.
7. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации. Ф. 48 (Следствие и суд по делу декабристов). Ф. 48. Оп. 1. Д. 245.*
8. *Горбачевский И. И. Записки, письма / И. И. Горбачевский.* — Москва : Изд. Академии наук, 1963. — 354 с.
9. *Декабристы.* Биографический справочник. — Москва : Наука, 1988. — 448 с. — ISBN 5-02-009485-4.
10. *Донесение Следственной комиссии // Восстание декабристов. Документы.* — Москва : Наука, 1980. — Т. XVII. — С. 24—61.
11. *Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому.* — Москва : Изд. Гос. ист. музея, 1975. — Т. 1. — 340 с.
12. *Лачинов Е. Е. Дневник следования посольства [в Персию] / Е. Е. Лачинов // Декабристы об Армении и Закавказье.* — Ереван : Изд-во АН Армянской ССР, 1985. — Ч. 1. — С. 34—45.
13. *Модзалевский Б. Л. Именной указатель к «Алфавиту...» [А. Д. Боровкова] / Б. Л. Модзалевский, А. А. Сиверс // Восстание декабристов. Материалы.* — Ленинград : Гос. изд-во, 1925. — Т. VIII. — С. 263—432.
14. РГВИА — *Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 14414 (Главный штаб 1-й армии). Ф. 14414. Оп. 1. Д. 196. Ч. 2.*

Литература

1. Азадовский М. К. Затерянные и утраченные произведения декабристов / М. К. Азадовский // Страницы истории декабризма. — Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1992. — Т. 2. — С. 3—236. — ISBN 5-7424-0350-X.
2. Базилевич В. М. Декабристы. Очерки 1—2. Восстание Черниговского полка. Восстание декабристов в Киев / В. М. Базилевич. — Киев : Тип. Киевского политех. инсти-тута, 1926. — 49 с.
3. Глиноецкий Н. П. История русского Генерального штаба. 1698—1825 гг. / Н. П. Глиноецкий. — Санкт-Петербург : Тип. Штаба войск гвардии и Петербургского воен. окр., 1883. — Т. 1. — 437 с.
4. Глиноецкий Н. П. История русского Генерального штаба. 1826—1855 гг. / Н. П. Глиноецкий. — Санкт-Петербург : Тип. Штаба войск гвардии и Петербургского воен. окр., 1894. — Т. 2. — 288 с.
5. Добровольский Л. П. Повстання Чернігівського полку / Л. П. Добровольский // Повстання декабристів на Україні. — Харків : [б. и.], 1926. — С. 43—167.
6. Довнар-Запольский М. В. Декабрьская революция 1825 г. / М. В. Довнар-Запольский // Голос минувшего. — 1917. — № 7/8. — С. 5—75.
7. Ильин П. В. Г. В. Новицкий — незамеченный участник Южного обще-ства / П. В. Ильин // Декабристы в Україні. Дослідження й матеріали [Декабристы в Украине. Исследования и материалы]. — Киев : УкрСИЧ, 2013. — Т. 7. — С. 128—155. — ISBN 978-966-2531-18-3.
8. Ильин П. В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаружен-ные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825—1826 гг. / П. В. Ильин. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2004. — 664 с. — ISBN 5-98187-034-6.
9. Ильин П. В. П. А. Набоков и Ф. С. Панютин — неизвестные члены Васильков-ской управы Южного общества / П. В. Ильин // Декабристы в Україні. Дослідження й матеріали. [Декабристы в Украине. Исследования и материалы]. — Киев : Изд. С. Е. Цымбаленко, 2009. — № 6. — С. 42—65. — ISBN 978-966-96992-4-4.
10. Киянская О. И. Южный бунт. Восстание Черниговского полка / О. И. Киян-ская. — Москва : Изд. РГГУ, 1997. — 192 с. — ISBN 5-7281-0004-X.
11. Киянская О. И. Очерки из истории общественного движения в России в прав-ление Александра I / О. И. Киянская. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2008. — 302 с. — ISBN 978-5-98187-323-2.
12. Киянская О. И. Декабристы / О. И. Киянская. — Москва : Молодая гвардия, 2015. — 384 с. — ISBN 978-5-235-03803-5.
13. Лысенко Н. Н. Восстание Черниговского полка. Южное общество декабристов / Н. Н. Лысенко, Л. Н. Нужа. — Москва : Грифон, 2016. — 325 с. — ISBN 978-5-98862-267-3.
14. Нечкина М. В. Восстание Черниговского полка / М. В. Нечкина // Каторга и ссылка. — 1925. — № 8. — С. 87—112.
15. Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы / М. В. Нечкина. — Москва : Худ. лите-ратура, 1977. — 735 с.
16. Нечкина М. В. Движение декабристов / М. В. Нечкина. — Москва : Изд. Акаде-мии наук, 1955. — Т. 2. — 506 с.
17. Нечкина М. В. Общество соединенных славян / М. В. Нечкина. — Москва : Гос. изд-во, 1927. — 248 с.
18. Оксман Ю. Г. Восстание Черниговского полка / Ю. Г. Оксман // Восстание дека-бристов : материалы. — Москва : Гос. изд-во, 1929. — Т. VI. — С. IX—LXVII.

19. Порох И. В. Восстание Черниговского полка / И. В. Порох / Очерки из истории движения декабристов. — Москва : Гос. изд-во полит. литературы, 1954. — С. 121—185.
20. Федоров В. А. Декабристы и их время / В. А. Федоров. — Москва : Изд-во МГУ, 1992. — 272 с. — ISBN 5-211-02205-X.
21. Эйдельман Н. Я. Апостол Сергей : повесть о С. Муравьеве-Апостоле / Н. Я. Эйдельман. — Москва : Госполитиздат, 1980. — 365 с.

Статья поступила в редакцию 19.04.2024,
одобрена после рецензирования 17.06.2024,
подготовлена к публикации 22.06.2024.

Material resources

- “Alphabet to members of former malicious secret societies and persons involved in the case...” [A. D. Borovkova]. (1988). In: *The Decembrists. Biographical reference book*. Moscow: Nauka. 215—345. (In Russ.).
- From the epistolary legacy of the Decembrists. Letters to N. N. Muravyov-Karsky, 1*. (1975). Moscow: Publishing House of State. ist. Museum. 340 p. (In Russ.).
- GARF — *State Archive of the Russian Federation*. (In Russ.).
- Gorbachevsky, I. I. (1963). *Notes, letters*. Moscow: Ed. Academy of Sciences. 354 p. (In Russ.).
- Lachinov, E. E. (1985). Diary of the embassy’s journey [to Persia]. In: *Decembrists about Armenia and Transcaucasia, 1*. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR. 34—45. (In Russ.).
- Military encyclopedia. (1912). *Military honor is gymnastics, 7*. St. Petersburg: I. D. Sytina type. 385 p. (In Russ.).
- Modzalevsky, B. L., Sievers, A. A. (1925). Nominal index to the “Alphabet...” [A. D. Borovkova]. In: *The Decembrist Uprising. Materials, VIII*. Leningrad: State Publishing House. 263—432. (In Russ.).
- Report of the Investigative Commission. (1980). *The Decembrist Uprising. Documents, XVII*. Moscow: Nauka. 24—61. (In Russ.).
- RGVIA — *Russian State Military Historical Archive*. (In Russ.).
- The Decembrists. Biographical reference book*. (1988). Moscow: Nauka. 448 p. ISBN 5-02-009485-4. (In Russ.).
- VD — *The Decembrist Uprising. Documents, XVII*. (1980). Moscow: Nauka. 296 p. (In Russ.).
- VD — *The Decembrist Uprising. Materials, VI*. Moscow: State Publishing House. 462 p. (In Russ.).
- VD — *The Decembrist Uprising. Materials, 1*. (1925). Moscow; Leningrad: State Publishing House. 540 p. (In Russ.).
- VD — *The Decembrist Uprising. Materials, IV*. (1927). Moscow; Leningrad: State Publishing House. 488 p. (In Russ.).

References

- Azadovsky, M. K. (1992). The lost and lost works of the Decembrists. In: *Pages of the history of Decembrism, 2*. Irkutsk: East Siberian Publishing House. 3—236. ISBN 5-7424-0350-H. (In Russ.).
- Bazilevich, V. M. (1926). *Decembrists. Essays 1—2. The uprising of the Chernigov regiment. The Decembrist Uprising and Kiev*. Kiev: Type. Kiev Polytechnic University. Institute. 49 p. (In Russ.).

- Dobrovolsky, L. P. (1926). Insurgency of the Chernigivsky regiment. In: *Insurgency of the Decembrists in Ukraine*. Harkiv: [b. i.]. 43—167. (In Ukr.).
- Dovnar-Zapolsky, M. V. (1917). The December Revolution of 1825. *Voice of the past*, 7/8: 5—75. (In Russ.).
- Eidelman, N. Ya. (1980). *Apostol Sergei: the story of S. Muravyov the Apostle*. Moscow: Gospolitizdat. 365 p. (In Russ.).
- Fedorov, V. A. (1992). *The Decembrists and their time*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 272 p. ISBN 5-211-02205. (In Russ.).
- Glinenoetsky, N. P. (1883). *The history of the Russian General Staff. 1698—1825*, 1. St. Petersburg: Type. Headquarters of the Guard troops and the St. Petersburg Military District. 437 p. (In Russ.).
- Glinenoetsky, N. P. (1894). *The history of the Russian General Staff. 1826—1855*, 2. St. Petersburg: Type. Headquarters of the Guard troops and the St. Petersburg Military District. 288 p. (In Russ.).
- Gunpowder, I. V. (1954). *The uprising of the Chernigov regiment*. Moscow: State Publishing House of polit. Literature. 121—185. (In Russ.).
- Ilyin, P. V. (2004). *New about the Decembrists. Forgiven, acquitted and undetected by the investigation participants in secret societies and military actions of 1825—1826*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 664 p. ISBN 5-98187-034-6. (In Russ.).
- Ilyin, P. V. (2009). P. A. Nabokov and F. S. Panyutin — unknown members of the Vasilkovsky board of the Southern Society. In: *The Decembrists in Ukraine. Research and materials*, 6. Kiev: Publishing house of S. E. Tsybalenko. 42—65. ISBN 978-966-96992-4-4. (In Ukr.).
- Ilyin, P. V. (2013). G. V. Novitsky — an unnoticed participant of the Southern Society. In: *The Decembrists in Ukraine. Research and materials*, 7. Kiev: Ukr Sich. 128—155. ISBN 978-966-2531-18-3. (In Ukr.).
- Kiyanskaya, O. I. (1997). *Southern Rebellion. The Uprising of the Chernigov regiment*. Moscow: Publishing House of the Russian State University. 192 p. ISBN 5-7281-0004-X. (In Russ.).
- Kiyanskaya, O. I. (2008). *Essays from the history of the social movement in Russia during the reign of Alexander I*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 302 p. ISBN 978-5-98187-323-2. (In Russ.).
- Kiyanskaya, O. I. (2015). *Decembrists*. Moscow: Molodaya Gvardiya. 384 p. ISBN 978-5-235-03803-5. (In Russ.).
- Lysenko, N. N., Nuzha, L. N. (2016). *The Uprising of the Chernihiv regiment. The Southern Society of Decembrists*. Moscow: Gryphon. 325 p. ISBN 978-5-98862-267-3. (In Russ.).
- Nechkina, M. V. (1925). The Uprising of the Chernigov regiment. *Hard labor and exile*, 8: 87—112. (In Russ.).
- Nechkina, M. V. (1927). *Society of the United Slavs*. Moscow: State Publishing House. 248 p. (In Russ.).
- Nechkina, M. V. (1955). *The movement of the Decembrists*, 2. Moscow: Ed. Academy of Sciences. 506 p. (In Russ.).
- Nechkina, M. V. (1977). *Griboyedov and the Decembrists*. Moscow: Khud. Literature. 735 p. (In Russ.).
- Oxman, Yu. G. (1929). The uprising of the Chernigov regiment. In: *The Decembrist Uprising. Materials*, VI. Moscow : State Publishing House. IX—LXVII. (In Russ.).

*The article was submitted 19.04.2024;
approved after reviewing 17.06.2024;
accepted for publication 22.06.2024.*